

П. В. ЕРНШТЕДТ

ЮЖНОЕГИПЕТСКИЙ КОПТИЗМ В СРЕДНЕГРЕЧЕСКОМ
СЛОВАРНОМ СОСТАВЕ

(Слово *πασχων* коптского происхождения)

При прослеживании словарных заимствований из языка в язык мы имеем дело не только со случаем звуковой и словообразовательной обработки слов на новой почве, но и с тем случаем, что все слово подлежит подмене словом или совпадению со словом, по составу своих звуков максимально сходным с предметом заимствования, но по значению с ним расходящимся более или менее существенно. Те исследователи, которые односторонне подготовлены к использованию только того языка, который, в нашем понимании, окажется на самом деле заимствующим данное слово, легко могут стать жертвой ошибочного взгляда, будто дело сводится к изменению значения слова такого-то языка, при полном отсутствии участия лексики какого-либо второго языка. Говоря так, я, в частности, имею в виду слово *πασχων*, *πάσχουσα* как синоним слова *πασχικός*, т. е. как имеющее одинаковое с ним значение „одержимый, -ая“, и как омоним причастия глагола *πάσχω* „страдать“.

Слово *πασχικός* в древнем греческом языке не существует. Наиболее раннее мне известное свидетельство о нем мы имеем в толковании глоссы Гесихия: *ἐπιληπτικός· πασχικός, κατεχόμενος* „эпилептический: пасхикос; одержимый“.

Относительно ниже следующих примеров слов *πασχικός* и *πασχική* оговариваю, что я их привожу в том виде, как они приведены Дюканжем по рукописям Национальной библиотеки (Париж), так как я не имел возможности для данной цели просмотреть соответствующие издания, а частично потому, что не все еще издано.

Vita s. Eupraxiae Virg., n. 26:

ἦν δὲ τις ἐν τῷ μοναστηρίῳ ἐκείνῳ γυνή πασχική ἐκ παιδῶθεν — εἶχεν δὲ πνεῦμα ἀρχοντικόν „была в том монастыре женщина, одержимая с детства; а имела она дух господский(?)“.

Там же n. 28: *ὅταν οὖν ἤρξατο κινεῖσθαι ἀπὸ τοῦ δαίμονος ἡ πασχική καὶ ἀγανακτεῖν* „и вот когда юродивая начала быть тормошимой демоном и негодовать . . .“.

Vita s. Barsanuphii apud Nicodem Monachum in Pandecte MS lib. 1, serm. 32: *ἠρωτήθη ὁ αὐτός μέγας γέρονι περὶ πασχικοῦ τινος ἵνα εὖσῃ ὑπὲρ αὐτοῦ* „попросили того великого старца о некоем одержимом, чтобы он помолился о нем“.

Vita s. Marinae MS: ἰδοὺ πολλοὶ πασχικοὶ ἤρχοντο καὶ ἐθεραπεύοντο „и вот, многие одержимые приходили и были исцеляемы“. [Этого текста нет в издании H. Usener, Acta s. Marinae et Christophori, Bonn, 1886 (Festschrift zur fünften Säkularfeier d. Carl-Ruprechts Universität zu Heidelberg, 15—46)].

Nicephorus Presb. in Vita MS s. Andreae Sali: παρατραπείς τὰς φρεσὶ, ὡς περ πασχικὸς πεφυρμένος „свихнувшийся умом, подобно помешавшемуся юродивому“. Там же: καὶ αὐτὴ ἁμοίως προσευχομένη ὡς περ τις πασχικὴ „в свою очередь молясь, как какая-нибудь одержимая“ (Этот текст, по видимому, читается в изданиях: AASS. Maii VI 4*—111*, 3-e ed. 4*—102* и в PG, t. 111, col. 625—888).

Желая осознать словообразовательную природу слова *πασχικός*, мы на первых порах неизбежно противопоставляем друг другу две мысли: одну — основанную прежде всего на внешнем сходстве — о том, что это слово как-то связано с глаголом *πάσχω* „страдать“, и другую — противоречащую первой — о том, что какой бы то ни было основе настоящего времени несвойственно служить отправной точкой для именных образований, иных чем построенные на промежуточной ступени — причастии. Первая мысль подсказывается звуковым составом слова *πασχικός* не без поддержки со стороны значения слова: ведь состояние одержимости принадлежит к числу состояний болезненных, а общий характер значения *πάσχω* не исключает того, что слово могло применяться как обозначение той ненормальности, которая имеется в виду между прочим в случаях так называемой „одержимости“, а затем подверглось соответствующему сужению значения. С этой точки зрения предположение прямой исторической связи значения слова *πασχικός* с глаголом *πάσχω* „страдать“ кажется в конце концов приемлемым, и, совершенно вне всякого сомнения, большинство читателей всегда разделяло именно это предположение. Как мало носители, лингвистически не образованные, данной живой речи считаются с основными закономерностями словообразования и в то же время охотно пользуются иностранными словами без знания тех иностранных языков, из которых данные слова происходят, это видно между прочим из употребления слова „будировать“ со значением не французского глагола *bouder*, а со значением русского слова „будить“, „пробуждать“, в сочетании „будировать мысль“.

Но формальный момент второго из названных предположений никак не говорит в пользу связи с глаголом *πάσχω*: соображение о несбыточности того, что основа настоящего времени (*πασχ-*) служила бы, минуя причастие, образованию производного имени, сохраняет свою силу. Ему можно противопоставить, кажется, только один случай образования имени как производного от основы настоящего времени глагола: слово *διδάσκαλος* „учитель“, которое, видимо, должно быть рассматриваемо как производное от основы настоящего времени глагола *διδάσκω* „учить“. В этой аналогии презентический характер основы выражен, правда, даже вдвойне: т. е. кроме презентического суффикса также еще презентической редупликацией. Положительной чертой этой аналогии можно назвать тождество — в историческом плане — суффиксов основы настоящего времени: глагол *πάσχω* имеет тот же суффикс, что и глагол *διδάσκω*. Но я подвергаю сомнению, воспринималось ли настоящее время *πάσχω* как содержащее вариант суффикса *-σκω*. Не без аналогии наличие суффикса *-αλος* при одновременном наличии удвоения: сравни *κεκρούφαλος*, „сетка для волос“, где удвоение, правда, — непрезентическое.

Однако аналогия слов *διδάσκαλος* и, с оговоркой, *κακρ'φάλος* вызывает как таковая прежде всего то возражение, что между первыми примерами слова *διδάσκαλος* и свидетельством Гесихия о слове *πασχικός* уместается целое тысячелетие.

Тем более пристальное внимание нужно уделить вопросу, не отличаются ли условия появления слова *διδάσκαλος* таким своеобразием, которое делало бы несправедливым, или, по меньшей мере, неосторожным, вывод о годности, хотя бы в самых скромных размерах, глагольных основ настоящего времени для образования от них имен, кроме причастных.

В ожидании разрешения поставленного вопроса прибавим, что постановка вопроса об использовании слова *διδάσκαλος* как принципиальной параллели к попытке усмотреть основу настоящего времени греческого глагола в слове *πασχικός* представится неубедительной, или даже повиснет в воздухе, как только мы укажем на возможность такого объяснения слова *πασχικός*, при котором одновременно окажется не при чем 1) и использование глагола *πάσχω* „страдать“ как якобы доподлинно лежащего в основе образования *πασχικός* и 2) гипотеза о том, что греческое обозначение, с помощью глагола *πάσχω* „страдать“, всякого болезненного состояния изменялось в направлении „одрожимости“.

На мой взгляд, иноязычным источником обоих слов не может не являться соответствующая диалектная форма египетского глагола *psḥ*, „быть в смятении“, по-коптски звучавшего *посср*, *посщ*, *пощс* и означавшего „быть вне себя“, „быть сумасшедшим“. В тех коптских диалектах, в которых все формы этого глагола звучали с согласным [š], *po:šš*, *po:sš* (*пощс*, *пощщ*), финитная форма, так называемый квалитатив, выражавшая соответствующее состояние, гласила *pošš*, *pošš* (*пощс*, *пощщ*), а в ахмимском диалекте, сохранившем согласный [h], квалитатив имел вдобавок и вокализм [a]¹ — *pašḥ* (*пашср*). Но предлагая это сопоставление, нельзя упускать из вида различие между сопоставляемыми единицами по линии частей речи: в основе вторичного образования *πασχικός* как имени может лежать только имя же, между тем как египетская категория, к которой принадлежит форма *pašḥ*, является категорией чисто глагольной. Следовательно, вторичное именное образование на суффиксе *-ικός* не может воспроизводить форму *pašḥ* на правах только грецизации как таковой. Невозможность установления прямой преемственности между образованием на *-ικός* как вторично именным и формой *pašḥ* как первично глагольной должна быть основана на исчезновении некоего промежуточного звена. Установить полноценную, словообразовательно опосредствованную, преемственность между формой *πασχικός* и формой *pašḥ* — значит учесть в составе иноязычного прототипа слова *πασχικός* такой словообразовательный элемент, который в процессе грецизации стал жертвой словообразовательной абстракции, будучи, с другого конца, подменен суффиксом *-ικός*. Именно этот суффикс сохранял заимствование в лоне той части речи, к которой относился прототип данного словарного заимствования. Подмененный в процессе заимствования словообразовательный элемент я усматриваю в префиксе, гласящем по-коптски, смотря по диалекту, *gm ef* „человек, который

¹ Гласный [a], как отвечающий здесь саидскому и бохайрскому [o], мы установили также в слове *ψαῦδας*, *σαῦδας* „благовоние“ (см. моя „Египетские заимствования в греческом языке“, М. — Л., 1953, стр. 154).

„делает то-то“ или *ref(-)*. Именно этот префикс был способен превращать в отглагольное имя не только инфинитив, звуковой состав которого нас здесь не устраивает, но и — квалитатив, звуковой состав которого к корню *pasch* подходит в точности.

В отличие от имени *pasch*, мы в подобной гипотезе как будто бы не нуждаемся, если захотим к египетскому глагольному образованию возвести греческий глагол, который в точности отвечал бы как с формальной, так и с семантической стороны требованиям, предъявляемым к характеристике глагола *pasch* как попавшего на греческую почву. Такой глагол должен был бы звучать *pasch* „быть одержимым“. Оказывается, что формы глагола *pasch*, являющиеся не финитными, а омонимии форм причастия настоящего времени глагола *pasch* „страдаю“, мы можем установить в текстах, где речь идет об одержимости.

Лавсова история монашества¹, 99,8: *Μίαν ἔχομεν σαλῆν ἔνδον ἐν τῷ μακρῶν — οὕτω γὰρ καλοῦσι τὰς πασχούσας* — „у нас здесь есть одна юродивая (саль), там в доме, на кухне, — ибо так зовут они одержимых“.

Apophthegmata patrum Aegyptiorum 141. Рассказ начинается словами „Пришел один одержимый (*δαμονιζόμενος*) в Скит. Несмотря на молитвы о нем, демон (*ὁ δαίμων*) не выходит из него. Организуют встречу одержимого с аввой Висарионом в том месте церкви, куда Висарион приходит стоять (*ποιήσωμεν τὸν πάσχοντα καθευδήσαι εἰς τὸν τόπον αὐτοῦ* (= *τοῦ ἰββᾶ Βησσαρίωνος*). Демон (*ὁ δαίμων*) выходит из больного, и одержимый исцелен.“

Леонтий Кипрский (житие Симеона Юродивого)²: *Θεωρεῖ τὸν σαλὸν ὁ πάσχων διώκοντα ἐξ αὐτοῦ κύνα μαύρον καὶ τύπτοντα αὐτὸν μετὰ ζυλίνου σταυροῦ* „Одержимый видит, как юродивый изгоняет из него черную собаку и бьет ее деревянным крестом“.

Слова *pasch* „одержимый“, „юродивый“ и *pasch* „одержимый“, „юродивый“ (повидимому, как уже подчеркнуто, только в виде причастия настоящего времени) появляются прежде всего в монашеской литературной среде. Тон в ней задавал юг Египта, к которому относятся и Ахмим-Панополь. Это он донес до коптских времен как старое произношение согласного [h], так и гласный [a] там, где бохайрско-саидский север имел вторичным образом [o] и [š]. С ахмимоязычным югом мы и свяжем слова *pasch* „одержимый“ и *pasch* „одержимый“ именно по этим их чертам как приравненным к соответствующим диалектизмам, в частности — ахмимизмам, коптского языка. Тем самым мы установим не только египетскую, но и, в частности, южноегипетскую, ахмимскую, его иррадиацию в греческую литературу, — минуя северноегипетский ее центр, Александрию. Моментом, выгодным для восприятия слов, содержащих звуки *pasch*-, как напоминавшие основу глагола *pasch* „страдаю“, было то обстоятельство, что данные египетские слова обозначали некое болезненное ментальное состояние и людей, страдавших этим состоянием. Ведь при таких условиях частичное созвучие данных слов с глаголом *pasch* „терпеть“, „страдать“ не могло не способствовать их усвоению остальными греками, а не только обитавшими в Египте.

Но предполагаю, что причастие *pasch* „одержимый“ не является попросту формальной грецизацией коптского квалитатива *pasch* „(он)

¹ D. C. Butler. *The Lausiac History of Palladius*. Cambridge, 1898. (Texts and Studies, Contributions to Biblical and Patristic Literature, ed. by J. A. Robinson, vol. 6).

² PG, t. 93, col. 1716 A.

одержим“, параллельной и синонимной с образованием $\pi\alpha\sigma\chi\iota\kappa\acute{o}\varsigma$. Я склонен полагать, что оформление $\pi\acute{\alpha}\sigma\chi\omega\nu$ предназначалось встать на место образования $\pi\alpha\sigma\chi\iota\kappa\acute{o}\varsigma$ в качестве его „исправления“, возникшего в литературном языке по отношению к образованию, индивидуально сознавшемуся данным автором как нежелательное нарушение элементарного правила словообразования о недопустимости производства имен на $-\iota\kappa\acute{o}\varsigma$ от основы настоящего времени какого бы то ни было глагола. Это было выводом пуриста из его же ложного предположения о том, что слово $\pi\alpha\sigma\chi\iota\kappa\acute{o}\varsigma$ якобы содержит в себе основу какого-то греческого настоящего времени. Как и в других случаях, пуризм выдает себя с головой тем, что сугубо греческой окраску он придал иноязычному слову, ни в какой мере не осознанному в качестве такового. Вводя в употребление форму $\pi\alpha\sigma\chi\omega\nu$ со значением „одержимый“, пурист в действительности, как уже сказано, создавал омоним причастия глагола $\pi\acute{\alpha}\sigma\chi\omega$ „страдаю“.

Что же касается встречающегося в литературе первых веков н. э. суффикса глагола $\pi\alpha\sigma\chi\eta\tau\iota\acute{\alpha}\omega$ „*urgio*“, который как будто бы указывает на прецедент в виде образования типа $^*\pi\alpha\sigma\chi\acute{\epsilon}\omega$ или $^*\pi\alpha\sigma\chi\acute{\iota}\omega$, то я склонен предполагать, что с этим $\pi\alpha\sigma\chi\eta\tau\iota\acute{\alpha}\omega$ стоит в связи тот новогреческий глагол $\pi\alpha\sigma\chi\iota\acute{\zeta}\omega$ „стремиться“, „прилагать усилия“, „стараться“, „пытаться“, „пробовать“, который словообразовательно никак не выводит непосредственно из глагола $\pi\alpha\sigma\chi\omega$. Контаминация глагола $\pi\acute{\alpha}\sigma\chi\omega$ „быть одержимым“ с $\beta\iota\nu\eta\tau\iota\acute{\alpha}\omega$ могла дать образование $\pi\alpha\sigma\chi\eta\tau\iota\acute{\alpha}\omega$, восходящее к последнему в отношении значения, после чего по аналогической пропорции $\beta\iota\nu\eta\tau\iota\acute{\alpha}\omega : \beta\iota\nu\acute{o} = \pi\alpha\sigma\chi\eta\tau\iota\acute{\alpha}\omega : x$, $x = ^*\pi\alpha\sigma\chi\acute{\omega}$ мог возникнуть такой контрактный глагол, который дальше создавал через аорист $^*\acute{\epsilon}\pi\acute{\alpha}\sigma\chi\eta\sigma\alpha = \epsilon\pi\alpha\sigma\chi\iota\sigma\alpha$ настоящее время новогреческого глагола $\pi\alpha\sigma\chi\iota\acute{\zeta}\omega$ „одержим стремлением“ > „стремлюсь“.

Только путем предположения действия подобной аналогии можно установить связь преемственности между древним глаголом $\pi\acute{\alpha}\sigma\chi\omega$ „страдать“ и современным глаголом $\pi\alpha\sigma\chi\iota\acute{\zeta}\omega$ „стараться“. Первоначально между ними, разумеется, не было ничего общего.

То обстоятельство, что носителями народного греческого языка глагол $\pi\alpha\sigma\chi\iota\acute{\zeta}\omega$ „стараться“ как-то сопоставлялся с глаголом $\pi\acute{\alpha}\sigma\chi\omega$ как с его родичем, проявляется между прочим в том, что форма $\pi\acute{\alpha}\sigma\chi\omega$ со своей стороны приобщилась к тому значению „стремлюсь“, „стараться“, которое никоим образом не может объясняться внеконтаминационным развитием значения древнего глагола $\pi\acute{\alpha}\sigma\chi\omega$ „страдаю“. К сожалению моему, я теперь не могу найти того новогреческого текста, в котором я когда-то прочитал предложение, содержавшее конструкцию $\pi\acute{\alpha}\sigma\chi\epsilon\iota \nu\acute{\alpha} \tau\acute{o} \kappa\acute{\alpha}\mu\eta$, „он стремится это сделать“. Но, может быть, лица, знающие новогреческие диалекты лучше меня, укажут, где такое употребление теперь может быть установлено. Со своей стороны я желаю предостеречь тех, кто знаком только с соответствующим употреблением глагола $\pi\alpha\sigma\chi\iota\acute{\zeta}\omega$, против того, чтобы назвать форму $\pi\acute{\alpha}\sigma\chi\epsilon\iota \nu\acute{\alpha} \tau\acute{o} \kappa\acute{\alpha}\mu\eta$ нереальной.